

**КУЛЬТУРА ИСТОРИКА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(на примере представителей «русской исторической школы»)**

*Работа представлена кафедрой всеобщей истории
Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. Б. Соколов*

Статья посвящена феномену культуры историка последней четверти XIX – начала XX в. Объект анализа – мемуары русских историков Н. И. Кареева и М. М. Ковалевского. Особое внимание уделяется трактовке понятий: культура ученого, культура преподавателя, культура коммуникации в исторической науке.

Ключевые слова: культура историка (ученого, преподавателя), «русская историческая школа», социокультурная ситуация, коммуникация.

Yu. Nikiforov

**HISTORIAN'S CULTURE OF THE LAST QUARTER
OF THE 19TH AND THE EARLY 20TH CENTURIES
(by the example of the scientists of the “Russian historical school”)**

The article is devoted to the phenomenon of a historian's culture of the last quarter of the 19th and the early 20th centuries. The object of analysis is memoirs of Russian historians – N. Y. Kareyev and M. M. Kovalevsky. Special attention is paid to the interpretation of the notions “culture of a scientist”, “culture of a teacher”, “culture of communication” in historical studies.

Key words: culture of a historian (scientist, teacher), “Russian historical school”, social and cultural situation, communication.

Последняя четверть XIX – начало XX в. – время настоящего расцвета исторической науки в России. Неизбежным следствием развития науки стало формирование внутри исторического сообщества особой системы ценностей и представлений, того, что мож-

но назвать культурой историка. Сам термин культура в современной историографии используется во все более расширяющемся смысле. Одно из ключевых определений в духе «новой культурной истории» дает К. Гирц: «Культура – исторически передаваемая систе-

ма значений, унаследованных представлений, выраженных в символической форме, посредством которых люди передают, сохраняют и развивают знание жизни и отношение к ней» [2, с. 29]. Как остроумно замечает П. Берк, «мы на пути к культурной истории всего на свете: снов, еды, эмоций, памяти, жестов, юмора» [1, с. 18]. Перспективным кажется проанализировать и культуру историка, которую следует, на наш взгляд, рассматривать как многослойное явление. Во-первых, это культура ученого-исследователя – методологическая культура, включающая элементы творческой лаборатории историка (аргументация и тематика исследований, работа с источниками и литературой, мировоззрение). Во-вторых, культура преподавателя, включающая стиль преподавания, идеалы образования и воспитания. В-третьих, коммуникативная культура, включающая стиль взаимоотношений с коллегами, руководством, студентами, особенности участия в научных обществах, сотрудничества в газетах и журналах. Для анализа феномена культуры историка интересно коснуться творческого наследия двух представителей «русской исторической школы» – воспоминаний Н. И. Кареева (1850–1931) [4] и М. М. Ковалевского (1851–1916) [6]. Расцвет творчества историков пришелся на последнюю четверть XIX – начало XX в. Их научное наследие вызвало пристальный интерес многих крупных исследователей [3; 7; 8].

Рассмотрим методологический слой культуры историка, важный для понимания образа историка-ученого. Из воспоминаний Н. И. Кареева мы узнаем, что к 1873 г. у историка возникает интерес к всеобщей истории, философии и социологии [4, с. 121]. М. М. Ковалевский, как и Кареев, еще в университете по рекомендации Каченовского «остановился на выборе специальности» [6, с. 78] – государственном праве европейских держав. Чертами характера, определившими карьеру Кареева, стали любознательность и широта интересов – «читал по разным предметам, гнался за расширением знаний»; трудолюбие и усидчивость – «аккуратно ходил на лекции, много читал и конспектировал» [4, с. 131]. Точкой соприкосновения Кареева и Ковалевского

в конце 1870-х гг. был интерес к социологии [4, с. 142]. Кареев дает алгоритм успеха молодым историкам – «чтобы вышел ученый, требуется не только талант и увлеченность, но и склонность к систематической работе» [4, с. 186]. Ученый сравнивал историческую науку с могучим деревом, выделяя два этапа в исследовании – корни (непосредственная работа над материалом) и крона (исторические обобщения), и отмечал предпочтительность «работы синтетической и обобщающей» [4, с. 249]. Ученый позиционирует себя противником «фактопоклонников». Солидарен с ним и Ковалевский, указывающий на необходимость широких обобщений: «Немало сидя над рукописями, вынес впечатление, что исследование, исключительно на них построенное, будет однобоким и неполным» [6, с. 261]. Ковалевский также дает рецепт-триаду необходимых историческим качеств: «логическая работа мысли, полет научной фантазии, умение возводить широкие построения и целые системы» [6, с. 261]. Обоих ученых объединяет синтетический стиль мышления, склонность к обобщениям.

Исключительную роль в формировании молодого русского историка играли заграничные командировки. Ковалевский называет эти периоды жизни, охватившие 1872–1876 гг., «годами заграничного ученичества и странствий» [6]. Особой популярностью пользовалась Франция. Ковалевский прямо говорит, что во Франции он научился работать, «извлекать из первоисточников выводы, приводить их в систему, строить гипотезы» [6, с. 126]. Кареев, рассказывая о пребывании в Париже (1876–1878 гг.), рисует образ «счастья» историка – «свобода в распоряжении временем, отсутствие внешних обязанностей, возможность предаться работе над научным вопросом в обстановке отличных библиотек и архива» [4, с. 146]. О слушании лекций за границей оба ученых отзываются как о дополнительном занятии. Так, Кареев пишет, что «на лекции в Сорбонну заходил изредка, чтобы посмотреть знаменитость» [4, с. 149]. Главное – сбор материала для диссертации в архивах и библиотеках. Мемуары Ковалевского позволяют судить о повседневном труде историка: «Рабо-

та в архиве и библиотеке была налажена – я с увлечением проводил в них утро, обычно с 9–10 ч., с перерывом для завтрака, вплоть до 5 ч. дня» [6, с. 168].

Неотъемлемой частью жизни историков была не только исследовательская работа, но и преподавание. М. М. Ковалевский был в большей степени университетским преподавателем, успешно читавшим лекции и в России (1877–1887 – в Московском университете, 1905–1916 – в Петербургском университете), и, во время эмиграции (1887–1905 гг.), за границей (во Франции, Швеции, Бельгии, США). Н. И. Кареев был педагогом более широкого профиля: он учительствовал в гимназии (1873–1876 гг.), в 1878–1879 гг. читал лекции в Московском университете, с 1879 по 1884 г. был экстраординарным профессором Варшавского университета, в Петербурге преподавал одновременно в университете (1885–1899, 1906–1923), Александровском лицее, на Высших Женских курсах и Политехническом институте – везде по новой истории [4, с. 179]. Кареев читает курсы и по другим историческим периодам (Древнему Востоку и Античности) и гуманитарным предметам (социологии, философии) [4, с. 182]. Ковалевский также указывает на разнообразный характер своих лекций [6, с. 688]. Об учительстве в гимназии Кареев вспоминает с теплотой и отмечает, что «стремился сделать историю интересной» для подопечных, а ученики «считали за честь иметь хорошие отметки по предмету» [4, с. 136]. От чтения лекций Кареев получал явное удовольствие: «Лекции меня не тяготили, я даже мог скучать без них» [4, с. 222]. Беззаветно любя преподавание, он «охотно отзывался на приглашение читать лекции без мысли делать из этого заработок» [4, с. 252]. Талант Кареева-лектора проявился в умении работать с разной аудиторией. Он писал: «Студентам-экономистам нужно не то, что студентам-историкам» [4, с. 223]. Взгляды на идеалы образования Кареев освещает в работах 1890-х гг., обращенных к молодежи [5].

Преподавательская деятельность Ковалевского, как и Кареева, совпала с периодом контрреформ 1880-х гг. Ковалевский критичен к современной ему системе среднего образова-

ния: «Считаю нашу школу косной, ее настоящее мало уклонилось от прошлого» [6, с. 68]. Гораздо лучше он отзывался об университете, роль которого скорее воспитательная, чем образовательная «не в одних лекциях и семинарах, но и в образовании научных кружков» [6, с. 87]. Ученый призывал к широкой общей подготовке и выступал против ранней специализации, которая является «не полезной, а вредной» [6, с. 88]. Свой взгляд у Ковалевского и на семинары [6, с. 133]. Историк считал, что их должны вести не приват-доценты, а «выдающиеся русские ученые», которые бы познакомили студентов с передовыми методами исследования. По мнению историка, требует реформы и система подготовки молодых ученых: «Не пора ли настаивать не на объеме диссертации, а на ее внутренних качествах?» [6, с. 127]. Ковалевский уподобляет чтение лекций драматическому спектаклю, а профессоров актерам – «когда они плохие публики собирается мало» [6, с. 223]. Ученый призывает «завоевывать» аудиторию не только яркой формой изложения, но и оригинальным содержанием: «Ключевский говорил новое с кафедры, волнуя умы и сердца, а профессор-учебник сидел в пустой аудитории» [6, с. 316]. Важными атрибутами подготовки лекции были конспект и использование литературных новинок [6, с. 688].

Третья составляющая культуры историка коммуникативная, включавшая общение на трех уровнях – внутри сообщества ученых, со студентами, с руководством. Н. И. Кареев неоднократно указывает на общительность как на главную свою личностную черту [4, с. 189]. Проанализируем культуру взаимодействия авторов мемуаров. Ковалевский, по словам Кареева, в силу громадной эрудиции и обаятельного характера был «центром тогдашней молодежи» [4, с. 141]. Кареев отмечает, что они с Ковалевским «были товарищами» по Петербургскому университету, Политехническому институту, редактированию «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Общение с коллегами определялось научным интересом и влияло на исследовательскую работу. Кареев пишет, что его знакомые, юристы и экономисты соответствовали интересу к социальной истории французского

крестьянства [4, с. 142]. То же можно видеть и у Ковалевского. Например, санскритологу Миллеру он обязан «указаниями, позволившими расширить чтения по первобытному праву» [6, с. 204].

Характер взаимоотношений ученых зависел от университета. Например, в Московском университете, по Ковалевскому, «самой отрадной стороной жизни» было отсутствие «всякой серьезной розни» с товарищами по преподаванию [6, с. 232]. Профессорские нравы в Варшаве Кареев характеризует, напротив, как странные. Нормой были взаимные колкости [4, с. 168]. По словам мемуаристов, их отношения со студентами были отличными. Кареев отмечал, что «в университетские годовщины был в числе немногих, приглашавшихся на студенческие чаепития» [4, с. 194]. Ковалевский подчеркивал качества, ценимые студентами: труд, затрачиваемый профессором; умение обосновывать точку зрения; товарищеское отношение [6, с. 235]. Восприятие университетской администрации учеными иллюстрируют слова Ковалевского: «Административные способности мы признавали за людьми или не занимавшимися наукой, или переставшими ею заниматься» [6, с. 232]. В то же время историк отмечал, что большинство руководителей «проникнуто любовью к знанию и свободе» [6, с. 207].

Работа в научных обществах, сотрудничество в газетах и журналах были частью профессиональной коммуникации. Ковалевский упоминал, что был членом археологического, этнографического, юридического и психоло-

гического обществ [6, с. 216]; редактировал журналы «Критическое обозрение» и «Юридический вестник» [6, с. 204], сотрудничал в газетах «Русские ведомости» и «Русская мысль» [6, с. 224]. Насыщенную жизнь вел и Кареев: в 1890-е гг. он работал в Обществе самообразования, Комитете помощи студентам, Литературном фонде, Союзе взаимопомощи писателей, был председателем Исторического общества и редактором «Исторического обозрения», сотрудничал в «Русском богатстве» [4, с. 189–193].

Таким образом, формирование культуры историка определялось социокультурной ситуацией пореформенной России, полученной им классической университетской подготовкой, дополненной заграничными стажировками. Часть культуры историка составляло прекрасное владение иностранными языками; фанатичный интерес к исследовательской работе в сочетании с системным мышлением; трудолюбие и усидчивость как личностные черты; разнообразие научных интересов и творческий подход. Культура историка-преподавателя базировалась на широкой специализации лектора и глубокой эрудиции; желании сделать лекции доступными для разной аудитории; стремлении реформировать систему образования на основе передовых педагогических идей; включении не только образовательного, но и воспитательного компонента в преподавание. Коммуникативная культура определялась мировоззрением, личными чертами, профессиональным статусом историка и обстоятельствами коммуникативной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берк П. «Антропологический поворот» в гуманитарных науках: индивидуальные версии и конфигурация целого // Историческая антропология и новая культурная история. НЛЮ. 2005. № 75. С. 15–48.
2. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. 380 с.
3. Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. 220 с.
4. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. 384 с.
5. Кареев Н. И. Беседы о выработке мирозерцания. СПб., 1896. 168 с.
6. Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
7. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. 286 с.
8. Погodin С. Н. Русская историческая школа: Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий. СПб., 1997. 280 с.